

Иллика и Оккар

Автор:

Дарья Быкова

Иллика и Оккар

Дарья Быкова

Эта история начинается со свадьбы. Нежеланной и неправильной. Со свадьбы, где невеста боится и ненавидит жениха, а жених презирает и не желает невесту, но колдовством заставляет её сказать «да».

Союз, благословлённый Тёмным – плохое начало для долгой и счастливой совместной жизни. Но даже боги не всегда могут угадать, как лягут дороги в руках Безымянной... и со свадьбы и в самом деле всё только начинается.

Дарья Быкова

Иллика и Оккар

Пролог

Оккар

Средняя дочь купца Бернея была некрасива. Слишком большой и острый нос – того и гляди клюнет; громоздкий рот – болтлива? Чуть оттопыренные уши – лапшу зато, наверняка, вешать удобно... Про фигуру и говорить не стоит – нет её, фигуры. Плоская, что доска. И хуже всего – взгляд. Тупой, овечий взгляд, который, может, добавил бы очарования какой-нибудь совсем юной прелестнице

и совершенно не шёл этой старой деве двадцати четырёх лет отроду, превращая её в умственно отсталую. А может, – с надеждой подумал вдруг Оккар, – действительно debilка?

Увы, покорная чуть заметному движению пальцев сила, метнувшись к девушке, принесла ответ: здорова. Вменяема. А значит, повода расторгнуть сделку у него нет.

Особенно раздражало, что на него самого девица смотрела с плохо скрываемым восторгом. Еле удержался, чтобы не сплунуть. Это только кажется, что обожание непременно должно объекту нравиться, ну или, как минимум, льстить, на самом деле всё зависит от того, кто именно твой обожатель. Если красивая женщина или умный и успешный мужчина – тогда да, конечно льстит, а вот если ничтожество... то ты и сам начинаешь ощущать себя таким же ничтожеством. Дочь купца – как там её, Иллика? – однозначно была ничтожеством, и своим восхищением его, Оккара, унижала. Вот ведь вляпался... Но взятые в долг деньги отдавать нечем и хуже того – нужно ещё!

– Добавь сто тысяч, и по рукам! – обречённо сказал, наконец, униженный Илликой, деньгами её отца и вообще обстоятельствами колдун и вздохнул.

– Идёт, – не скрывая радости, протянул руку Берней. Как же, такую страшила сбагрил... Продешевил, – горестно подумал новоиспечённый жених. – Как есть, продешевил.

Глава 1

Иллика

– Взгляд должен быть кротким! – поучала младшая сестрёнка, отчаянно пытаюсь приладить так украшавшее её саму, и поэтому такое любимое платье на тощую и старательно сутулящуюся фигуру Иллики. Безуспешно. И безнадежно. Платье было мало в плечах и коротковато, зато болталось мешком на груди, отчётливо демонстрируя её полное отсутствие, и в талии тоже болталось, парадоксальным образом эту самую талию увеличивая.

– Да, – сказала Илька, разглядывая своё отражение в зеркале, и благодарно улыбнулась сестре. – То, что нужно. Спасибо!

Бедная Нелечка смутилась. Она видела, что сестру платье не то что не украшает, уродует до безобразия, но не решалась сказать об этом. Да и зачем? Своих платьев у Ильки давно уже не было, а какое из Нелиных ни надень, всё одно будет... вот так вот будет, так пусть хоть немного уверенности в себе останется у сестры.

Волосы Иллика специально зачесала как можно туже, скрутила в невзрачную кичку – так лучше всего. Что ещё? Ах да, кроткий взгляд ягнёнка... Ну вот. Образ готов. И Иллика готова. Готова поспорить, что теперь жених не устоит и пойдёт на всё, лишь бы не связывать себя с такой... хм... чаровницей.

Увы, жених подкачал. Нет, он вроде бы тарасился на неё с вполне себе выраженным ужасом и отвращением, но жадность, жадность оказалась сильнее эстетических чувств. Вот же жмот ей достался! Внешне жених тоже не понравился: слишком низкий, всего с неё ростом, с ним и каблуки-то не наденешь – стыдно, слишком худощавый: как бы его самого не пришлось на руках нести, – брезгливо поморщилась Илька, – ну точно, её, Ильку, он не поднимет, хоть и не толстая она, вот ведь позорище... И вообще, смуглый, чернявый, глаза какие-то узкие... Тьфу.

Сама Илька была рыжей, а мужчины ей нравились высокие, мускулистые и, желательно, блондины, как Его Высочество принц-консорт Константин.

Впрочем, кое-что Ильке всё-таки приглянулось, и даже больше – вызвало неподдельное восхищение: его клинки. Из-за спины торчали две рукояти, и она сначала даже глазам своим не поверила – решила: подделка, но нет, клинки были подлинными. И, кстати, стоили куда дороже, чем всё, что этот чернявый и неприятный тип был должен её отцу, в разы дороже.

Жмот, – ещё раз неприязненно подумала Илька и вздохнула. План по отпугиванию жениха провалился, теперь придётся бежать. И безнадежно испортить и так напряжённые отношения с отцом.

Вообще, Берней был человеком неплохим и дочерям своим, конечно же, желал всего самого лучшего. Вот только, как это часто бывает, то, что одному человеку

видится благом для другого, для того – адская каторга. Илька замуж не хотела. Вообще. Никогда-никогда. Это же крест на жизни женщины. Уж она насмотрелась, пока жила четыре года у старшей сестры и её мужа. Сначала любовь-любовь, а потом, как надоела, да ещё и забеременела, всё. Служанки, гулянки... и всё это на деньги отца жены, которые по каким-то совершенно дурацким законам теперь принадлежали этому кобелю. Даже к ней, Ильке, подкатывал. Врезать ему как следует Илька не постеснялась, но ситуацию это, конечно же, не исправило. И домой пришлось вернуться. А тут такое вот...

Отец со своим пунктиком, что женщина не в браке – несчастная женщина. И желанием причинить это самое мифическое счастье Иллике, дескать, давно пора, возраст уже... О, боги!

У отца была сестра – Эда, незамужняя, склочная и вечно всем недовольная. Её-то отец и приводил всегда в пример: если женщина не выходит замуж, у неё портится характер, и она очень страдает! – говорил Берней. Не выйдешь замуж, будешь как тётюшка Эда!

Илька была бы не против – жила Эда шикарно. Брат платил ей более чем щедрое содержание, она могла путешествовать и заниматься чем угодно, сама себе хозяйка и при деньгах, ну не мечта ли?

Нет, вот положи руку на сердце, Илька против мужчин ничего не имела. С ними весело, куда веселее, чем с женщинами, с которыми только и поговоришь, что о нарядах, детях и тех же мужчинах. С ними можно фехтовать, напиваться, дружить... и даже любить тоже можно, что уж тут, но отдавать какому-то мужчине всю свою жизнь? Чур-чур-чур!

Вечером за ужином царила почти радостная атмосфера: радовался Берней, мысля, что купил дочке женское счастье, без которого ей, конечно же, было очень плохо, пусть и не признаётся, но переживает ведь, что в таком возрасте и не замужем; радовалась Нелечка – и за сестру, и – стыдно признаться, но что есть, то есть – куда больше за себя, теперь и ей можно будет замуж, благо уж у неё-то есть из кого выбрать; молчала Иллика, не поднимая глаз от тарелки. Она натянуто улыбалась, а в голове крутилось – бежать! Нынче же ночью бежать! Потом отец поймёт и простит. Может быть, лет через десять она родит ему всё-таки внука, тогда точно простит.

Но куда бежать? К сестре теперь нельзя... и муж её зло затаил, и отец там отыщет легче лёгкого. Тогда куда?

Идея появилась неожиданно. В монахи. Странствующие. Там, правда, много чего нельзя, но это ж, наверное, просто формально? Обложка, так сказать. Не будут же боги подглядывать за одной из тысяч своих служителей, что она что-то не то наворачивает на ужин... или ночует не одна. Да и вообще, может, это люди придумали, что нельзя. До брака вон с мужчиной спать тоже нельзя, говорят, а Илька спала, и ничего – молнией её не пришибло. Ну, и не только спала, да. Но молнии как не было, так и нет. Значит, решено. И, повеселев, Илька, наконец, подняла взгляд от тарелки.

Дверь, на которую девушка возлагала столько надежд, захлопнулась прямо перед носом, причём, и в прямом и в переносном смысле, оставив Ильку ошарашено моргать и пыхтеть от возмущения. Это неслыханно, просто неслыханно! А так ведь всё хорошо складывалось... Дождалась, пока все заснут, тихонько собрала вещи: самый минимум и, конечно же, никаких платьев, только штаны, рубаха, оружие, немного денег и еды, и выскользнула в ночь. Храм Пяти открыт, к счастью, постоянно, и идти до него всего ничего... но вот дальше!

– Нет, – сказал настоятель, выслушав её сбивчивую просьбу: что, мол, ей очень приспичило богам служить. И начать надо вот прямо сейчас. – Это не то, что тебе нужно, сестра! Не ищи лёгкого пути, ищи свой путь!

И выставил за дверь. Нет, вот сказал бы прямо: в этом году набор окончен, и так уже народу через край. Или: мы берём только мужчин. Или только старых и страшных женщин. В общем, назвал бы нормальную причину, настоящую, а не нёс этот бред про поиск пути... Этого, да простят её Пятеро, бреда, она и на еженедельных проповедях наслушалась... Илька вздохнула и развернулась, чтобы уйти. Может, надо было сказать, что ей во сне лично все Пятеро явились и велели в храм бежать? Не поверит...

Выставили её, разумеется, не из самого храма, а из специального зала для церемоний, но находиться теперь в храме никакого смысла не было. Мелькнула мысль обратиться к кому-то из Пяти, а то и вообще ко всем, попросить помощи или хотя бы совета, но она её отмела. Не то чтобы она совсем не верила, отчего же, верила, как и все, но полагала, что богам не до неё. Наверняка, у них есть

дела поважнее, чем её, Илькино, нытьё о предстоящем замужестве. Саму Иллику жутко раздражало бы, если бы её постоянно дёргали по таким пустякам, тем более что просителей хватает, вон даже ночью бедным богам никакого покоя, – раздражённо подумала она, наткнувшись взглядом на ещё одного ночного посетителя, и, если честно, не столько сочувствуя Пяти, сколько вымещая собственную досаду.

Впрочем, стоило взглянуть повнимательнее, как досада отошла на второй план, а на первый вышло любопытство вкупе с азартом. Это был он, этот её, стыдно сказать, жених. А он-то тут что забыл? Тоже пришёл в монахи сдаваться?

Ой-ё... Да он колдун, чтоб его сплющило и разорвало! Ну точно, вон, в первую очередь к Тёмному направился. Надо сказать отцу. Не отдаст же он свою хоть и непослушную, но любимую дочку за этого... этого... просто за этого. Иллика буквально на секунду отвлеклась, уже представляя, как отец удивляется, негодует и разрывает сделку, и тут же вздрогнула, услышав рядом голос. Неприязненный и неприятный.

– Следишь за мной? Не терпится?

– Терпится, – огрызнулась Иллика, хмуро рассматривая этого. Вот дали же боги женишка... Мало того, что уродлив, так ещё и колдун. Может, зря она мало к богам обращалась? Вот они и решили, что она всё стерпит, даже такого вот... И голос-то тоже невзрачный. Хиленький такой тенорок. Тихий. От неуверенности в себе, не иначе.

Да что она вообще на него время тратит? Домой надо, домой, к отцу, чтобы покончить с этой дурацкой женитьбой, как можно скорее... Илька отвернулась и сделала шаг в сторону выхода, но тут в её плечо вцепились чужие пальцы, твёрдые и даже острые, заставляя развернуться. Когти у него там что ли? Она попыталась сбросить, но не тут-то было – вцепился, словно клещ!

– Куда? – как-то слишком напоказ удивился мерзкий колдун. – Раз уж мы так удачно здесь оказались, давай-ка всё и завершим сразу!

Илька, надо сказать, его не поняла. Она растерянно сделала пару шагов за тащившим её мужчиной, потом стала на всякий случай упираться, хотя бы уже потому, что от отродья Тёмного добра не жди. Ну и из духа противоречия, куда

ж без него.

Хилый внешне жених – уже почти бывший жених, что не могло не радовать, казалось, даже не заметил её попыток вырваться, так и пёр к своей цели и Ильку за собой волок. Как волк ягнёнка, – подумала неожиданно Иллика, прежде всегда считавшая себя волчицей, а не овцой. Отчаявшись освободиться, она просто для порядка пару раз наступила ему на ногу, и была готова поклясться, что весьма болезненно, но этот даже не поморщился и с шага не сбился. Он вообще живой?

И что ему в зале для церемоний понадобилось, интересно? Будет проводить очную ставку с настоятелем и выяснять, что же его наречённая тут забыла?

Колдун постучал в дверь так, что Илька, будь она на месте настоятеля, точно не открыла бы. Ну или разве что, чтобы по наглой морде врезать, а то ведёт себя в храме как дома, оборзел вконец. Она даже понадеялась было, что этого нахала сейчас божественной молнией шарахнет, вот это было бы чудо! Половину приданого не пожалела бы храму отписать... Но Тёмный и не подумал наказывать своего приспешника, даже, кажется, молчаливо одобрял. Мерещилось что-то эдакое в воздухе...

Настоятель, отворивший всё же двери, был безмятежен, по крайней мере, с виду, и Илька успела уже даже позавидовать его выдержке, но тут и его проняло, когда колдун потребовал:

– Обвенчайте нас! Прямо сейчас!

Удивилась, и сильно, но нет, вовсе не испугалась – чего бояться-то? Во-первых, настоятель явно недоволен тем, как настойчиво и неуважительно барабанил в дверь этот алчный придурок, так что вряд ли пойдёт ему навстречу. Во-вторых, ночь же! Не женится никто по ночам! Ну и самое главное – ничто не мешает ей, Ильке, сказать «нет!». И она скажет, будьте уверены, если до этого фарса всё же дойдёт. Ну давай же, старик, выдай свою любимую отмазу про другой путь, свой путь, или что там полагается говорить безумцам, заявляющимся среди ночи, и разойдёмся все и, слава Пяти, навсегда.

Кажется, настоятель и правда собирался отказать, он даже головой покачал и рот открывать начал, но тут, словно Тёмный ему что нашептал, осёкся и

вопросительно взглянул на предполагаемую невесту. Дескать, является ли ваше безумное и неуместное желание вступить в брак посреди ночи взаимным и добровольным? Во взгляде ей почудилось неодобрение – ещё бы, то в монашки рвалась, то через пять минут замуж. Мечется, болезная, не знает, куда себя и пристроить.

Конечно же, Илька, не будь душой, энергично замотала головой – нет, нет и нет. Она уже нашла свой, вполне прекрасный путь: избавиться от жениха и податься в армию, может, в личный полк принца удастся попасть... А он такой, м-м-м!

– Хорошо, пойдёте, – сказал вдруг настоятель, и Иллика, которая в мечтах уже скакала на какое-нибудь жутко важное, опасное и ответственное задание рядом с самим Константином, вздрогнула и недоумённо заморгала. Это что за «пойдёте»? Что значит «хорошо»? Невеста против же, разве не видно?

– ... – сказала несогласная невеста. Нет, она вовсе не выругалась, чай не совсем сбрендилась – в храме выразаться-то, она просто открыла рот, чтобы вежливо обратить внимание настоятеля на своё нежелание, и... ни звука. Словно она немая от рождения, или вообще – одна из этих глупых рыб, которые плавают в огромном стеклянном ящике у отца в приёмной, и которыми он так гордится.

Илька попробовала ещё раз... И ещё. И вот теперь ей стало страшно, паника поднялась огромной волной, откуда-то из области желудка, сдавила горло тугой петлёй – теперь, кажется, несчастная девушка и сама не смогла бы ничего произнести, дышала-то еле-еле, а затем волна хлынула вниз, разливаясь по конечностям, заставляя ладони вспотеть, а коленки задрожать.

Она всегда считала себя смелой. В ней и в самом деле было достаточно дерзости и веры в собственное бессмертие, чтобы скакать на лошади без седла, ввязаться в поединок с мужчиной, заступиться в драке за слабого... и ещё плевать на приличия. Что ни говорите, но для последнего тоже нужна определённая смелость. А вот перед колдовством Иллика испытывала какой-то безотчётный ужас, в котором даже сама себе не признавалась. Даже наоборот. Всегда охотно смеялась над байками, представляющими колдунов злобными и недалёкими, не упускала случая презрительно скривиться, ведь это недостойно мужчины – полагаться на волшбу и помощь Тёмного, а не собственные силы, и думать – не думала, ведать – не ведала, что доведётся свести близкое знакомство с одним из этого отродья.

– Не бойся, – раздражённо сказал ей колдун, которого, видимо, бесило её прерывистое поверхностное дыхание. А может, опасался, что в обморок упадёт или истерику закатит. – Не бойся, – повторил он, пока настоятель доставал атрибуты ритуала: книгу, нож и чашу. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

Илька ему не поверила, впрочем, что толку, если сделать ничего не могла? Только недоумевать и злиться на Пятерых, что в Их храме возможно творить такое... ну и себя ругать последними словами, что вообще из дома вышла. А обряд тем временем шёл полным ходом, и она словно со стороны наблюдала, как кто-то говорит её губами заветное «да!», протягивает её, Илькину, руку... Это было омерзительно и противоестественно, но почему-то завораживало. А может, это тоже колдовство – то, что она так отстранённо на всё смотрит? Или это просто её психика защищается, как может?

Ей вдруг обожгло голову, и она потеряла сознание, испытывая даже облегчение – какой смысл быть в сознании, если твоим телом всё равно правит кто-то другой.

Говорят, когда-то давно, когда людей было ещё не так много, боги лично благословляли каждый союз. Или не благословляли, и тогда жених с невестой расходились чужими людьми, и благодарили своих покровителей за то, что те не дали совершить ошибку. Ну, считается, что благодарили. Затем людей стало больше, а может, Пятерым просто надоело, или же – как знать? – вдруг Они сочли людей достаточно разумными – погорячились, конечно, но боги же, им не предъявишь; в общем, перестали они смотреть, кто именно ищет их милости и заключает брак. И на смену проявлявшемуся ранее на коже сияющему венцу пришли искусные ювелирные поделки. Впрочем, ходят слухи, что истинные браки встречаются до сих пор. Но ой как редко.

Поэтому, когда Илька увидела в зеркале пересекающий лоб венец, где-то на уровне пары пальцев от линии роста волос, она решила, что он нарисован – так делали бедняки, у которых не было денег на украшения – какой позор! – и попыталась его стереть. Ха. Мало того, что у неё не получилось, так он ещё и словно ужалил её. И в довершение ко всему, он был чёрным. Чёрным! Свадебный венец. Это при том, что лучшим способом испортить молодожёнам жизнь считалось принести что-то чёрное на свадьбу. Хоть кусочек угля, хоть нитку, неважно. А у неё вот венец. Впрочем, никакого мира и лада у неё с мужем всё равно не намечается, хорошо бы вообще как можно быстрее остаться вдовой.

– Что это? – спросила Илька, неприязненно взглянув на отражение своего жениха... хотя нет, теперь уже мужа, и потёрла ещё раз ненавистную линию. Палец снова неприятно заныл.

– Милость Тёмного, – как-то нерадостно скривился муж. У него на лбу была точно такая же линия. – Иногда он бывает чересчур...милостив.

– То есть это не смывается? – спросила Иллика, раздумывая, а не дать ли мужу по голове чем-нибудь тяжёлым. А что? Скажет потом, что поскользнулся, упал... Вот эта ваза вполне подходит. Не хотелось бы, конечно, брать на душу грех убийства, но иначе ведь всю жизнь придётся с ним...

– Не смывается, не отдирается, и даже вырезать тоже не выйдет, – мрачно сказал колдун. Впрочем, на его смуглой коже и с чёрными волосами смотрелось ещё ничего. А вот на белой Ильке... – Насчёт брачной ночи... – сказал тем временем колдун.

– Иди на... – с удовольствием ответила жена. Они ведь уже не в храме, а у этого подонка дома, и она и так проявляет чудеса сдержанности и благородства – вот и на вазу пока только смотрит, даже в руки не взяла, а ведь так хочется...

Нет, она вовсе не забыла, что он может вертеть ею словно куклой, такое и захочешь – не забудешь, но какой-то демон внутри заставлял её хамить и нарываться. С другой стороны, если он причинит ей вред, уж она найдёт способ сообщить об этом отцу, и тогда держись, мерзкий колдун, ни гроша не получишь, хорошо если живым останешься!

– Иллика, – вздохнул муж и подошёл к ней. Обидно, но он, кажется, совсем не разозлился от её грубости. Илька даже себя каким-то глупым ребёнком почувствовала, который взял и испортил свою любимую игрушку, чтобы наказать родителей, а тем всё равно. Дурацкое сравнение. – Пошлешь меня ещё раз, и я восприму это как требование осуществить супружеский долг, – даже не пригрозил, а скорее просто сообщил. И добавил, гад. – Хотя мне бы этого не хотелось.

А это идея, – подумала Илька. Насчёт не хотелось бы. Мужчины, они же так уязвимы психологически, говорят, достаточно нескольких метких слов, чтобы

мужу уже ничего и не хотелось. Только вот, где их взять...

– Давай договоримся, – предложил колдун, не подозревая, какая угроза нависла над его мужскими способностями, в которых, признаться честно, Илька и так сомневалась.

– А давай, – с энтузиазмом кивнула она и на всякий случай подошла поближе к той самой вазе – вдруг это он просто зубы ей заговаривает, отвлекает, чтобы она заветные меткие слова найти не успела. Новоиспечённый муж молчал, и она охотно взяла дело в свои руки.

– Я заведу любовника! – сказала она и разозлилась на себя: почему-то ей стало обидно от того, что он не попытался даже запретить, просто пожал плечами. Слабак. – И ты отдашь мне клинки р'Рах.

Глава 2

Оккар

В храм он пришёл в отчаянии. Как-то не ладилось ничего. И, что хуже, ничего не радовало. Казалось, что деньги и время он просто выбрасывает в бездонную пропасть, а вовсе не вкладывает в сильно затянувшееся расследование. Впрочем, возможно, так и есть. Дорогие, бессмысленные, безрезультатные попытки что-то разузнать...

Впрочем, деньги-то у него как раз скоро будут... и совершенно тупая и уродливая жена в придачу. Может, зря он вообще это всё затеял? Может, и нет в этом всё ничего странного, и он впустую тратит время, силы и деньги... А это просто череда дурацких случайностей, или вообще воля богов, против которой он, Оккар, зачем-то вздумал идти...

Колдун был уже готов отказаться от всего. Совершенно без всякой надежды, но всё же с неизменным почтением, капнул крови на алтарь и прикрыл глаза. Минуту постоять, тщетно вслушиваясь в себя, как это происходит уже много лет, и, так и не получив ответа, уйти. И плюнуть на всё, и жить, наконец, в своё

удовольствие, забыв про данный сгоряча обет. Но Тёмный неожиданно ответил. Впервые за очень долгое время, вот жаль только, что ответил совершенно непонятно. «В огне потеряешь себя и вновь обретёшь, и пламя даст тебе силу». Оккар непроизвольно вздрогнул – на костёр ему, как и всякому здравомыслящему колдуну, совершенно не хотелось. Но спорить и переспрашивать как-то не с руки. Да и ноющая пустота в груди, требовавшая бросить всё и просто лежать пластом, ожидая, что всё как-то само наладится или наоборот сколлапсирует, куда-то подевалась.

Её он почти проглядел. Ну, точнее заметил краем глаза, подивившись, что нужно в ночной час в Храме этой одетой в мужской костюм девице, но не признал. А потом вдруг как молнией ударило – это же его наречённая. Во даёт, девка! Неужто с кем другим сговорилась обвенчаться? Оккар почувствовал, как долг, который он себе уже простил, замаячил снова, а дополнительные сто тысяч наоборот подёрнулись дымкой и стали исчезать... Ну нет, – подумал он и решительно направился к ней.

Нет, вы только посмотрите! Куда девался этот тупой овечий взгляд? Словно невеста его – оборотень: днём глядит овцой, а ночью – волчицей. И, надо признать, волчицей ей куда лучше, хоть на человека похожа. А в этом мужском наряде, бесстыдно облегающем тело, как ни парадоксально, даже на женщину смахивает, и куда больше, чем в том унизанном рюшечками и бантиками платье. Вот только обожание из взгляда куда-то подевалось, и, несмотря на то, что ещё днём чувствовал себя этим самым обожанием униженным, теперь он почувствовал себя почти обворованным. Что ни говори, но преданно смотрящая в рот жена куда удобнее, чем эта упирающаяся дикарка. Ух, слониха! И ведь специально наступила, вон как скалится и глазами сверкает. Вот показала бы она своё истинное лицо днём, просил бы не сто тысяч, а в два раза больше! Хотя определённый шарм в ней вот такой всё же есть... на любителя. К коим Оккар совершенно не относится.

– Обвенчайте нас! Прямо сейчас! – приказал он настоятелю, и по глазам понял, что сейчас тот откажет. Просто чтобы продемонстрировать свою власть. Ну и потому, что глубоко в душе ненавидит и боится колдунов, даром что служитель Пяти, а колдуны – это всем известно, дети Тёмного. Ненавидит, боится и люто завидует, ведь, положив всю свою жизнь на служение богам, только и может, что проводить обряды, а любой мальчишка, отмеченный благодатью Тёмного, даже без обучения, даже ни разу не посетив храм, способен творить чудеса.

И тут словно сам Тёмный встал рядом – Оккару показалось, что он даже какое-то дуновение у плеча ощутил. И всё переменялось.

– Хорошо, пойдёмте, – сказал настоятель, а его, Оккара, невеста запаниковала, хоть и не сразу. Сначала она ещё пыталась что-то сказать, а потом задышала часто-часто, как выброшенная на берег рыба, и таким животным страхом от неё повеяло, что не склонный к утешению истеричных барышень колдун всё-таки сказал:

– Не бойся.

Разумеется, не помогло.

Тёмный не только помог, но и славно подшутил. Оккар даже мысленно поаплодировал тому и поклон отвесил, хотя, положа руку на сердце, хотелось выругаться. Но кто же ругается в ответ на особую божественную милость?

К тому моменту как очнулась его жена, он уже почти успокоился, и теперь даже с каким-то злорадством – не делает ему чести, но из песни слов не выкинешь, предвкушал её реакцию. Напрасно. Иллика восприняла венец с потрясающим равнодушием, как и то, что очнулась в доме мужа, впрочем, как позже выяснилось, причина была в её невежестве. Она просто не понимала, насколько всё теперь у них завязано друг на друга.

– Я заведу любовника! – сказала она, и Оккар еле сдержался, чтобы не расхохотаться. Любовника. С таким венцом. Ага. Впрочем, на здоровье. Это он ей при любом раскладе готов уступить, и предупредить о невозможности вовсе не планирует, а вот клинки в женские руки – никогда!

Клинки... Единственное, чем он может гордиться хоть немного. Оккар всем говорил, что они достались ему от отца, но правды в этом не было ни на грош. Отца своего он не знал, оружие же снял с трупа врага, даже, пожалуй, Врага – с большой буквы, ибо победа обошлась ему так дорого, что до сих пор сводило скулы и хотелось убить гада ещё раз, и не один раз, стоило только вспомнить. И уже даже только поэтому клинки он не отдаст. Никогда и никому. И уж точно – этой странной и нежеланной женщине, по какой-то насмешке богов его пожизненной жене, с которой теперь ни развестись, ни разъехаться, и которой

не изменить.

– Как рассветёт, отправимся к твоему отцу за деньгами, – сказал он ей. И больше ничего говорить не собирался, но вдруг заметил, как она стискивает руки – Иллика тут же их расцепила под его взглядом, но стало только хуже – белые, стремительно краснеющие следы от её пальцев, как укор ему, и глаза, в которых вызов еле-еле прикрывает подступающую истерику...

Ему вдруг стало стыдно. Ну, в конце концов, она просто девчонка. Богатая, избалованная и глупая, ничего о настоящей жизни не знающая, и он, в полтора раза её старше, хочется верить, что в разы мудрее...ну, про красивее и изящнее просто умолчим, в общем, не к лицу ему вымещать свою досаду на этой убогой. Оккар поморщился и, сам себя не узнавая, произнёс:

– Если тебе нужен праздник, пусть будет праздник. Я не против.

– Да по... – начала эта рыжая бестия, он поклясться был готов, что его посылают, уж очень однозначна была интонация, даже обрадоваться успел – нет, и слава Пятерым, но... – Да, пожалуй, – сказала Иллика, и он скривился. Всего секунда душевной слабости и излишней мягкости, и вот тебе совершенно бессмысленные дела на несколько дней. Скверно. Но теперь уже ничего не поделаешь.

Праздники Оккар не любил. Даже почти ненавидел. Потому что на праздниках всегда собиралась толпа, а, как известно, даже самые адекватные и вменяемые люди, собираясь в толпу, превращаются в идиотов. В глупо хихикающих, сплетничающих идиотов, это если говорить о праздниках. И это, конечно, куда лучше, чем озверевшие идиоты с факелами и вилами – было в его непростой жизни и такое, но всё равно противно. Аж передёргивает. А уж праздник, где ты – центральный экспонат... И где была его голова, когда он ей это предложил? А она, хоть и дура, но каким-то женским коварством поняла, что от праздников его воротит, и теперь вот отыгрывается вовсю, он уже слушать устал, сколько у них будет перемен костюмов, перемен блюд и ещё каких-то там перемен. А Берней слушает и от удовольствия щурится... и только когда Иллика отвлеклась ненадолго, шепчась с сестрой, наклонился к новоиспечённому зятю и бросил:

– Ещё сто тысяч за внука в течение года!

Оккар тут же ощутил себя окончательно униженным и оплётанным, хотя тесть, наверняка, добивался не такого эффекта, может, даже приободрить хотел. Но это был теперь большой вопрос: воздерживаться всю жизнь колдун, естественно, не собирался, но и представить интим со своей женой пока не удавалось. Впрочем, с голодухи, наверняка, и такая сойдёт. А ведь насколько сестра у неё аппетитнее... Он вздохнул и тотчас же невольно вздрогнул, когда слух выхватил произнесённое его женой «Сказание об Алларе». Ну конечно, какой ещё спектакль для демонстрации на их свадьбе могла выбрать его душа-жена, как не тот, где сжигают колдуна... Ну, ничего. Будет и его очередь веселиться. И скоро. Уже очень-очень скоро. Надо только как-то пережить эту вакханалию, в которую по собственной глупости вляпался. Больше никаких уступок этой змеюке, да ей не то что палец в рот не клади, к ней вообще приближаться опасно.

Единственное, в чём он был с этой рыжей согласен – истинные венцы надо скрыть. Купить какие-нибудь ювелирные штуковины и носить, хоть и ненавидит он, Оккар, всякие побрякушки, но выставлять напоказ свои уязвимые места – куда хуже.

А ведь ещё надо как-то сказать Виллене, что всё кончено, – вдруг подумал Оккар, и ощутил какую-то давящую тоску, впрочем, быстро сметённую раздражением. На неё. На эту его, с позволения сказать, жену. Не окажись она там в храме, ничего бы и не было, Тёмный не властвует днём, а никто из других богов не стал бы касаться колдуна своей милостью.

Виллена... роман их только начался, и колдун на многое ещё рассчитывал, ну, на пару-тройку месяцев жаркой телесной любви так точно. Потом ему, вероятно, как обычно наскучило бы, так всегда бывало: стоило изучить тело и повадки любовницы, опробовать позы, на какие хватает фантазии, и всё. Скучно. А ещё и мозг начинают выносить. Почему-то влюблялись они в него, как кошки, все, причём, тем сильнее, чем больше он к ним остывал. И ведь, казалось бы, умные всё женщины, прекрасно понимают, что связались с колдуном, которому способности любить просто-напросто самими богами не отмерено, а всё одно – каждая надеется, что именно с ней, именно в неё...

Да, любовь колдунам не полагалась, что самого Оккара, кстати, ничуть не удручало – он достаточно уже повидал влюблённых идиотов и идиотов, чтобы понимать, что от этого чувства одни неприятности. И выглядит влюблённый почти всегда жалко и нелепо, в крайнем случае, смешно. Воистину, Тёмный

дважды одарил своих детей: дав магию и лишив любви.

По легенде, правда, Тёмный сделал это не специально. Он просто не поладил с Девой, говорят, то ли он ей нахамил и отказал, то ли наоборот – грязно домогался, а может, Деву не устроило то, что он никогда не давал магию женщинам, но, так или иначе, любви колдунам не доставалось. Зато другие божественные дары – за милую душу.

Вообще, каждому человеку полагались от богов дары и судьба. Дары, правда, далеко не от всех Пятерых. Судьбой наделяла Безымянная, и она не пропускала никого, остальные же четверо: Воин, Мудрец, Дева и Тёмный могли одарить храбростью, мудростью, любовью и магией соответственно, но одаривал обычно кто-то один, максимум два.

Оккару, конечно, хотелось бы верить, что лично ему присущи вдобавок к магии и мудрость, и храбрость, но иногда казалось, что вообще и с тем и с другим не задалось, уж самому себе можно в этом признаться, и даже нужно. Нет ничего хуже, чем врать самому себе.

Интересно, а что же Пятеро его жёнушке отмерили? Храбрость и Любовь? Мудростью-то тут явно и не пахнет... А вот безрассудства хоть отбавляй. В том, что Любовью его жена одарена, Оккар тоже ничуть не сомневался – в его картине мира это был недостаток, почти синоним глупости и недалёкости. Стоит ли сомневаться, что уж этого добра в его спутнице жизни даже сверх всякой меры?

К Виллене он отправился сразу после завтрака у тестя, напоследок не удержавшись и пообещав молодой супруге вернуться ближе к ночи. Удивительно, но то, что её при этом передёрнуло, его как-то даже оскорбило. Нет, на самом деле ничего такого он не имел в виду, и принуждать женщину к близости – это преступление не только против Девы, но и против собственной совести и человеческого достоинства, что для колдуна было куда важнее; хотел просто поддеть и уязвить эту рыжую девчонку, но вот вышло как-то себе же хуже. Да так, что успокоиться он не мог до самого дома Виллены, даже ловил себя несколько раз на воображаемых диалогах с новообретённой женой, где он ей в красках расписывал, насколько она ему не сдалась. Вот глупость-то! Да он с юности такой ерундой не маялся.

Виллена также подлила масла в огонь – не так, совсем не так привык он расставаться с женщинами. Не то чтобы ему доставляли удовольствие женские слёзы, отнюдь, но могла бы хоть более печальный вид сделать... Оккар утешил себя тем, что она просто не успела понять, какого замечательного мужчину теряет. И уже не поймёт. Эх. Шуточки у Тёмного, конечно... тёмные. Тут и не поймёшь, правда ли это милость или наоборот, прогневил чем-то божество. Колдун бы даже склонился к последнему, если бы не ответ, полученный в храме. Хотя теперь уже стало казаться – а не придумал ли он, Оккар, его сам? Потому как очень хотелось...

Остаток дня он провёл в сборах, нет, не паковал чемоданы, слишком рано, да и вещей-то почти нет, но занимался подготовкой документов, надо ведь не только на себя, но и на жену сделать, ибо оставить её, как он собирался изначально, не выйдет. Вопрос только в том объяснять это ей или подождать, пока сама уразумеет...

Пожалуй, надо подождать. Пусть убедится сама и прибежит к нему за разъяснениями, не придётся тратить время, уговаривая выслушать и доказывая свою правоту. Хотя и жалко девчонку... Немного. Совсем немного. Но, – тут он усмехнулся, – чтобы в браке жилось комфортно, жену надо правильно воспитать!

Глава 3

Иллика

Кажется, отец сошёл с ума. Да что там «кажется», точно сошёл. У неё, Ильки, острый слух, она прекрасно всё слышит, ну, может, и не совсем всё, но уж «внук» она расслышала. А вдруг этот мерзкий колдун заморозил отца так же, как и её там, в храме? Нет, не похоже. Как-то её муженёк и сам кривится при мысли о ребёнке... или о брачной ночи с ней? Ишь чего удумал! Как он смеет нос воротить, хоть Иллика спать с ним и не собирается, вот ни за что на свете не собирается... ну, разве что за клинки, – мелькнула какая-то совсем не достойная будущей героини рыцарских баллад мысль, и девушка отбросила её, решив сделать вид перед самой собой, что и не было вовсе ничего такого.

Нет, спать с ним нельзя хотя бы потому, что брак надо расторгнуть, и хоть она уже и не девица – это же не обязательно всем сообщать, можно же просто поклясться, что с этим мужчиной ничего не было. И всё. Свобода. О том, что истинный брак может не расторгаться так легко, Иллика даже не собиралась думать. Не могут быть боги так с ней жестоки. Да, припугнули. Вероятно, за это её, как она теперь понимает, недостойное намерение стать служительницей, но правила не соблюдать, ну так и ладно. Она не дура, всё поняла, больше к богам не полезет. Ярмо в виде венца можно снимать, спасибо, было очень познавательно. Иначе придётся ей мужа убить... а грех ведь это. Негоже ведь богам толкать человека на грех, правда?

– Я к ночи вернусь, – сказал колдун и как-то так выразительно на неё посмотрел, что Иллика вздрогнула. Чур меня, чур, – в панике подумала она. Нельзя с ним идти, вот никак нельзя. Околдует и сделает что захочет. Мерзавец.

Ну, давай уже, кончай раскланиваться с отцом и сестрой и вали отсюда, – раздражённо шипела про себя девушка, глядя как застывший в дверях колдун любезничает со своими новоявленными родственниками. Вот может же нормальное выражение на лицо нацепить, когда постарается, хотя всё равно он Иллике не нравится. И уж она постарается, чтобы к ночи... да какое там, чтобы уже через полчаса отец её полностью поддержал в планах развестись, а этого Оккара и на порог бы не пустил!

– Он – колдун! – сказала Илька, едва дождавшись, пока молодой муж уйдёт, и картинно всхлипнула, ожидая, что отец захохочет, возмутится... а она ещё добавит, рассказав, как он с ней плохо обращался... жалко, пару синяков не догадалась сама себе поставить, уже бы проявились, наверное. Ну ничего, главной новости должно хватить.

Увы, Берней её чаяний совершенно не оправдал.

– Хорошая профессия, – веско сказал он. – Ты же у меня образованная, просвещённая девушка, к чему эти предрассудки?

– Но... но... он же не способен любить! – почему-то вывалила тот аргумент, который её саму совершенно не волновал. Вот только его любви ей и не хватало... Хотя, так было бы удобнее им вертеть, наверное, но так как она всё равно не собирается с ним оставаться...

– Да больше половины людей не способны любить, – как-то на редкость равнодушно отозвался отец. – А из тех, кто способен, и треть не любит. Но живут, детей рожают...

– Он меня заставил, – сказала она, забыв всхлипывать и впиваясь глазами в лицо отца. Что-то идёт не так. Отец знал, что колдун. И всё равно отдал... как же так?!

– Что заставил? – немного насторожился Берней.

– Сказать «да» в храме, он...

Договорить она не успела, поняла, что бесполезно. Даже венчайся они при других обстоятельствах и скажи она «нет», «да», сказанное её отцом, пересилило бы. Увы, но женщина в этом несовершенном мире почти никаких прав не имеет.

– Иленька, – назвал её отец как в детстве, но за мягким тоном чувствовалась железная решимость. – Поживи с ним хотя бы полгода. Потом можешь вернуться сюда, если не поладите.

Иллика сидела на кровати и ждала. Мужа ждала. Вообще-то, сначала она караулила его возле двери, намереваясь либо подставить подножку, либо приложить этой самой дверью – хорошей, крепкой – по носу – для конструктивного начала разговора, так сказать. Но мерзкий колдун всё не шёл, и она, устав слоняться возле двери и вздрагивать от каждого шороха, присела на кровать. В конце-то концов, начать можно и с меткого слова, а врезать она ему завсегда успеет. Гад всё не шёл. Специально, наверное, выдерживает паузу, чтобы она вся извелась, – со злостью подумала девушка. А вот фиг ему. Не боится она его. Ну, почти не боится... Но забирая молодую жену из дома тестя, колдун обещал тому не применять к ней своё поганое колдовство... нет, он, конечно, не так сказал, но смысл примерно был такой, в общем, при таких условиях не боится. Однако всё равно немного нервничает – впереди битва, которую ей надо выиграть. И от того, что битва будет словесной, а не на мечах, что ей куда привычнее, только волнительнее.

А комната ничего такая... Но как будто бы и не живёт здесь никто. Или же колдун – помешанный на порядке психопат. А что? Вполне возможно... Пару минут она боролась с любопытством, а потом подбежала-таки к шкафу и, рывком его распахнув – словно кто-то мог оттуда выпрыгнуть, самой смешно, ей-богу, уставилась на пустые полки. Другая дверца и снова пусто.

Значит, колдун выделил ей отдельную комнату. Не ожидала, не ожидала.... поставим ему маленький плюстик. И так уж и быть не будем с порога бить по самому дорогому. Хотя, кто их, колдунов, разберёт, что у них там самое дорогое... Но комната-комнатой, а он всё равно, наверняка, заявится – ребёнка делать. И брак утвердить. Но не на ту напал... в смысле, не на той женился. Она его словами так размажет, что он и думать забудет, зачем шёл. А если слова не помогут, тогда да, по самому дорогому.

Ну что он не идёт-то? – вконец загрустила Иллика через час. Уже и спать хочется, и темно совсем-совсем. А как ложиться, если рискуешь проснуться под колдуном? Никак. Придётся взять дело в свои руки, – вздохнула девушка и отправилась искать Оккара.

Нашёлся он в гостиной. Сидел в кресле рядом с камином, смотрел, не мигая, в огонь и... пил. Прямо из бутылки. Фу, – сморщила нос Иллика, чувствуя себя оскорблённой. Это он надирается, чтобы к ней пойти?! Она невольно даже заозиралась в поиске его клинков – уж очень захотелось его прибить, потому что, во-первых, она не выносила пьяных мужчин. Вот вообще никак. А во-вторых... это что же, он счёл её настолько некрасивой?!

А она, между прочим, мужчинам всегда нравилась. Пусть и нет у неё классической красоты и этакой изящной слабости – ох, и слава Пятерым, что нет, её саму эта нарочитая беспомощность в женщинах бесит невероятно, но она – яркая и живая, и в жизни ещё не было так, чтобы нравящийся ей мужчина не ответил взаимностью. А тут этот задохлик нос воротит и надирается для храбрости. Прибить его, чтобы не мучился, и всего делов-то.

Клинки не обнаружили, так что Иллика просто вырвала бутылку из рук начинающего – а может, уже и давно практикующего, ей-то откуда знать? – алкоголика и уселась в кресло напротив. Муж к потере бутылки отнёсся весьма флегматично: некоторое время изучал пустую руку, а потом перевёл взгляд на жену и спросил:

– Ты чего не спишь?

И как-то так миролюбиво спросил – вот уж не ждала от него, что Илька весь свой запал растеряла. И чтобы скрыть замешательство зачем-то приложилась к бутылке. А ведь вкусное вино у этого мерзкого колдунишки... Да, действительно вкусное.

– Не будет никакой брачной ночи, – агрессивно заявила молодая жена, снова прикладываясь к вкусному вину.

– Я думал, мы об этом ещё утром договорились, – всё так же мирно усмехнулся её собеседник, и Иллика почувствовала, что теряется. Когда твоя агрессия встречает лишь спокойную уверенную доброжелательность, это обескураживает. По крайней мере, вменяемых людей. А Илька вменяемая, да. Хоть и вспыльчивая.

– А знаешь, – сказала она вдруг, правда вдруг, сама не ожидала! – Твой пьяный характер нравится мне куда больше!

– Хм, – усмехнулся он, и она внезапно подумала, что черты лица у него на редкость чёткие, хоть и непривычные её глазу, а когда он не колдует и не злится, то на него даже смотреть без содрогания можно. Или это всё вино виновато? Словно подслушав её мысли, он предложил. – Выпей тоже, вдруг вино и на тебе хорошо скажется!

Вот ведь нахал!

– Ха! – сказала она. И почему-то сделала ещё пару глотков. – Если ты собрался меня опить, чтобы соблазнить, ничего у тебя не выйдет!

– Я, – как-то даже обиделся колдун, – вовсе не нуждаюсь в помощи вина, чтобы соблазнить женщину!

– Конечно, – не упустила случая вставить шпильку Илька, – зачем тебе алкоголь? Заколдовал и готово!

– Я так не делаю! – мрачно и как-то совсем уже обиженно огрызнулся Оккар.

– Да ладно? – сказала Иллика и, чувствуя, что переходит все границы и рушит только-только наметившееся перемирие, но не находя в себе сил промолчать, добавила, подавшись вперёд и широко распахнув глаза. – Так что же, у тебя и женщины до сих пор не было?

И ещё маленький глоток сделала. Маленький – потому что последний. Странно, когда забирала, казалось, что там куда больше вина оставалось. Но, видимо, показалось. Жаль, жаль. А добавки просить у мужа как-то не с руки... особенно после последней фразы, похоже, его неслабо так проняло, вон как прищурился на неё своими тёмными раскосыми глазами.

Как бы чего ни вышло, – вдруг посетила Илькину голову на удивление трезвая и здравая мысль. Но девушка её отбросила. Или это было вино?

– Нарываешься, – с непонятной интонацией протянул колдун. Но вроде без угрозы. Похоже, с женщинами у него не так уж плохо, по крайней мере, это не болезненное место. Значит, будем искать дальше.

– Просто хочу узнать мужа поближе, – невинно улыбнулась она, собираясь перевести разговор на другую тему. Например, о клинках поспрашивать. Или куда он все деньги просадил, видно же, что дом хороший, только запущенный уже, да и оружие опять же баснословно дорогое...

– Поближе, – хмыкнул Оккар. Иллика сдержалась и не стала объяснять, что это уже совсем другое «поближе». Не то, что некоторые подумали. Не настолько она ещё пьяна, да и никакого вина тут не хватит...

– Мне тридцать три, – сказал вдруг он. – И я – колдун. Что ещё ты хочешь узнать?

– Твой самый большой страх? – не стала молодая жена ходить вокруг да около. И у её мужа даже глаза, кажется, почти нормальными стали от удивления. Молча покачал головой. Илька пожал плечами и сделала ещё один заход. – Что-то, чего ты стыдишься?

Увы, но всё, чего ей удалось добиться – это абсолютного внимания. Он уже не смотрел в камин, отвлекаясь на неё лишь изредка, как в начале разговора, теперь он не сводил с неё глаз, и она даже немного занервничала.

– Я настолько похож на дурака? – спросил то ли с удивлением, то ли с раздражением. Врать она не стала, да ещё и разозлившись на себя за некоторое волнение, которое ощутила от его взгляда, сорвалась почти в прямое хамство:

– Вполне. Ещё и на пьяного.

В конце, правда, обворожительно улыбнулась, чтобы немного смягчить. За что тут же себя и отругала. Как бы не понравиться ему ненароком.

А хотя... а почему бы, собственно, и нет? Влюблённый мужчина – послушный мужчина. Впрочем, есть два «но». Первое – он колдун, так что влюблённым не будет, как ни изворачивайся, а второе... ну не её это, не её! Все эти женские жеманные прыжки и ужимки, томные взгляды, трепетные вздохи, чуть дрожащий голос, случайно оголившееся плечо... Ей это всё кажется странным, недоступным и где-то даже...подлым. Это как вместо честного поединка на мечах выстрелить отравленными иголками в противника из-за угла. Да, эффективно, но... неуважительно и не по-рыцарски. Да и не умеет она, что уж тут тень на плетень наводить...

– А твой самый большой страх? – спросил вдруг Оккар. Как-то опять на удивление мирно.

Ещё несколько дней назад она бы смело заявила, что не боится ничего, теперь же... Теперь она точно знала – боится, почти до животного ужаса боится этого ужасного чувства беспомощности. Когда ты – только наблюдатель, а кто-то чужой, вселившись в твоё тело, начинает жить за тебя твою жизнь.

– Мышей боюсь, – довольно убедительно соврала, как ей самой показалось, но муж почему-то поперхнулся и расхохотался.

– Мы через пять дней едем в Тарргон, – сказал колдун, и это совершенно не вязалось с его ещё, казалось, висящем в воздухе смехом.

В Тарргоне истово поклонялись Деве, терпели Мудреца и Воина, игнорировали Безымянную, полагая, что свою судьбу каждый творит сам, и люто ненавидели Тёмного, сжигая в очистительном пламени всё и всех, кого коснулась его скверна. То есть колдунов, их вещи, дома и всё, к чему они прикасались. Вероятно, жена тоже входит в этот вот перечень всего «осквернённого».

Если бы он сказал «мы через неделю заколем друг друга вот этими вот кинжалами», вряд ли бы она удивилась сильнее.

– Зачем? – только и смогла огорошено выдохнуть Илька. – Давай я тебя тут прибую, хоть мучиться на костре не будешь!

В ответ ей досталась безрадостная улыбка и мрачный взгляд. И, разумеется, никакой благодарности за заботу.

Глава 4

Оккар

Всё-таки она странная, эта его жена. Он-то думал, что она спит давно, а нет, вдруг появилась на пороге в гостиной, отобрала вино и размышлять помешала. Впрочем, за последнее он на неё несколько не злился – мысли его сплошь были безрадостные и какие-то безнадёжно-тягучие. Всё зашло в тупик. Собственно, в тупик зашло оно не сегодня и даже не вчера, ему и деньги-то были нужны, чтобы как-то организовать всё и сдвинуть дело с мёртвой точки, но становившийся всё яснее день ото дня вывод, что надо ехать в Тарргон, пугал. Да. Если честно, то пугал, и весьма сильно. Но ехать надо. Информации, получаемой окольными путями явно недостаточно, да и искажается она ох как сильно. Значит, ехать. И жену, увы, придётся тоже взять.

Он ещё пытался вернуться к нерадостным, но необходимым раздумьям, но с ней это оказалось попросту невозможно. Сначала она его просто отвлекала. Затем оскорбила, вернее, попыталась. Потом удивила, и – чего ещё от неё ожидать-то? – снова оскорбила. Ну и насмешила под конец. Мышей боится, как же.

Её любезное предложение прибить, чтобы не мучился, он воспринял совершенно спокойно. Сам бы так отреагировал, наверное, на её месте, хорошо хоть право выбора оставила, а то от его жены всего можно ожидать, могла и сразу броситься «прибивать», даром, что не смогла бы.

Но головой на всякий случай покачал.

– Тогда езжай, – пожала она плечами. Как-то совершенно не по-женски, очень резко и чётко, словно нож метала, а не сомнение выражала, но его почему-то это движение заворожило. Возможно, в ней всё же есть некий шарм. А может, это он уже от безысходности, сам себя уговаривает? Или дело в вине... А она тем временем добавила, так же резко и решительно, как и двигалась. – А я останусь.

– Это опасно, – спокойно сообщил он, не желая признаваться самому себе, что любит её необычной пластикой, и собирался уже добавить, что не сможет её защитить, находясь на расстоянии, а у него есть враги, и они не упустят случая навредить ему, а венчанные богами супруги обычно не переживают один другого, увы, но не успел.

Она расхохоталась и почему-то вдруг согласилась. Ну, почти:

– Ладно, поеду с тобой, мой заботливый супруг... если отдашь мне клинки р'Рах!

Вот дались ей эти клинки. Что она с ними делать-то будет? Небось, позанималась пару месяцев раз в неделю с каким-нибудь наставником, который вообще танцы преподаёт, а оружие и сам еле держит, и возомнила себя великой воительницей. Даже если бы ему было и не жалко – а ему жалко! – всё равно бы не дал: порежется ещё.

– Нет, – терпеливо и спокойно – впору гордиться собой! – ответил колдун. – Ты поедешь, потому что у нас истинный брак, и если убьют тебя, то и я погибну. А на расстоянии я не смогу тебя оберегать и защищать.

– Ты. Меня. Оберегать? Защищать? – переспросила Иллика. Вот даром, что уши оттопыренные, слышит плохо, – с раздражением прищурился Оккар. Впрочем, сейчас уши были прикрыты волосами, но он-то хорошо запомнил её при первой встрече, когда ему показали товар лицом, так сказать. Впрочем, его начинали мучить некоторые сомнения, что «товар», вопреки воле купца Бернея, повернулся тогда к нему совершенно другим местом, и вообще, он получил кота в мешке. Волчицу – вспомнилась ему ассоциация, посетившая его в храме. Ну точно, подсунули волчицу в шкуре овцы. Ладно бы ещё что умела... а то ведь только гонор.

Колдун пожал плечами и не стал говорить, что он сильнее всех известных ему собратьев по ремеслу. Зачем? Глупое хвастовство он никогда не любил, а женщины – они такие. Он-то ей, положим, скажет, просто чтобы она не волновалась и на него положились, а она ведь хвастаться побежит. А это секрет. Он, Оккар, совершенно не тщеславный и очень осторожный, потому что жить страсть как хочется. И обет незавершённый опять же...

– А зачем нам туда? – наконец, проявила здравый смысл Иллика, и он, поколебавшись, ответил:

– Десять лет назад я принёс обет... разобраться в обстоятельствах одного дела. – Раздражённо нахмурился и дёрнул плечом, когда она выразительно присвистнула – намекает, что за десять лет только неудачник не справится. А манеры? Слово не дочь купца, а солдат! Но продолжил. – И я долго откладывал путешествие в Тарргон, я не самоубийца, но всё наглухо застопорилось и зашло в тупик. Ключ к разгадке, если не сама разгадка, там, в Тарргоне.

– Тебе для этого... обета нужны были деньги? – внезапно спросила она неожиданно даже немного участливым голосом.

– Да, – сказал Оккар, отставляя бутылку в сторону. Изначально он планировал её допить, и так жена его немного «обнесла», отняв первую, но теперь подумал, что хватит. Потому что он, кажется, уже почти достиг стадии «некрасивых женщин не бывает», и вообще резко поглупел и размяк – собственная жена показалась ему вдруг симпатичной, волнующей и не такой уж тупой. Нет-нет-нет. Первое впечатление о человеке – самое верное.

Впрочем, это не меняет того, что придётся как-то с ней уживаться.

Словно почувствовав, что его отношение, совершив виток где-то в области между «можно потерпеть» и «хочется общаться», устремилось к «тупая и страшная» – ну, первое впечатление же, Иллика встала и отправилась спать, как бы случайно обронив про кинжал под подушкой. Смешная, ей-богу. Она так много рассуждает о брачной ночи и его гипотетических поползновениях и домогательствах, что он уже почти чувствует себя обязанным потребовать супружеский долг. Чур его, чур.

Ушла, и хвала Тёмному. И вовсе не чувствует он, Оккар, никакой досады. И поделиться ему не хотелось, с чего бы вдруг? Десять лет не делился ни с кем, а тут вдруг захотел бы? Да ну. Он ещё не настолько стар, чтобы впасть в сентиментальность.

И всё же... всё же колдун поймал себя на том, что вместо того, чтобы вернуться к планам, он подбирает слова, чтобы рассказать ей. Что-то такое умудрилась она всколыхнуть в нём своим немного участливым тоном, но её заслуги в этом, разумеется, никакой, просто так совпало. Вино, тоска одиночества, беспокойство о будущем...

Желание рассказать не проходило.

А, собственно, почему бы и нет? Она – его супруга в истинном, осенённом милостью богов, браке, навредить ему для неё самоубийство. Да и как она навредит? Он ведь не будет делиться с ней планами? Просто выплеснет на неё свою боль. Это ведь не потому, что она какая-то особенная и он ей доверяет, вовсе нет, он вообще никому не доверяет, только поэтому и жив до сих пор... А рассказать... и именно ей... ну, наверное, потому что ему всё равно, что она о нём подумает. Да, он уже давно понял, что тот наивно-восхищённый взгляд ему либо померещился, либо предназначался его клинкам, скорее второе – не зря же она о них всё время говорит, а на него самого его жена смотрит как на змеюку. Опасную и отвратительно-холодную.

Да что он тут сидит и сам себя уговаривает? Это его дом, и жена – тоже его. И он в своём праве вот прямо сейчас пойти и рассказать! И пойдёт!

И Оккар действительно пошёл. Правда, сначала допил вино. Нет, вовсе не для храбрости, так просто, для души. И не поленился прихватить щит из оружейной – мало радости получить вазой в лицо или по голове, не говоря уже об этом её мифическом кинжале, вдруг со страху и метнёт как надо. Женщины, они вообще непредсказуемы. И в довершение всего, он постучал. Это в своём-то доме и к супруге, узнай кто – засмеют. Но никто не узнает, а смущать лишней раз жену ему не хотелось. Он ведь поговорить пришёл, а не ругаться.

Ответа не дождался и, помедлив секунд десять, отворил дверь и вошёл. Огляделся, постоял немного, озадаченно хмурясь, и быстрым шагом направился в свою спальню. Ибо комната его жены была пуста. А значит, либо она сбежала к

любовнику, либо шарится по дому, и он готов почти поручиться, что эта дурёха сунет нос к его клинкам.

И что ему потом с безрукой – в прямом смысле, в самом прямом! – женой делать? Вот только этого ему не хватало!

– Положи! – выкрикнул он, едва отворив дверь в свою комнату и увидев один из клинков в её руках. Поморщился, ибо в голосе было больше паники и облегчения, чем приличествующей строгости. Живая. Целая и невредимая. Хорошо. Но выпороть бы надо.

– Боишься, что надеру тебе... уши? – насмешливо спросила жена и взмахнула клинком.

Ну, надо отдать должное её учителю танцев, это движение у неё вышло вполне красиво и грациозно. Если отвлечься от всего остального, что он про неё знает – избалованная и изнеженная купеческая дочка, ни в чём не знавшая отказа с самых малых лет, то можно даже на мгновение поверить, что она может быть опасна. Хотя, если не отвлечься, то тоже приходится признать, что опасна. Для себя самой. Своей непроходимой тупостью и безалаберностью!

– Ты ещё жива только благодаря истинному браку! – неприязненно сказал он. – Будь у нас обычный брак, не осенённый милостью Тёмного, ты бы уже валялась тут без руки, а то и с перерезанным горлом! – И не удержался, добавил. – Дура! Ну и дура!

– Я не поняла, – как-то на удивление спокойно и почти весело отозвалась жена. – Ты что... убогий, мне угрожаешь?

И ещё какой-то этакий пируэт сделала, он даже невольно залюбовался. А Иллику понесло.

– Сразимся? – почти пропела она. – Победишь – буду тебя слушаться, в этот твой Тарргон поеду... проиграешь – клинки отдашь.

Вот ведь идиотка, начитавшаяся романов, где любой тюфяк уже через месяц крутой вояка. Сразимся, как же. Острейшими клинками, в тесной и полутёмной

комнате, да он даже если просто стоять будет, эта клуша, наверняка, умудрится порезаться. Даже если клинок вообще из ножен не доставать, и то...

– Шарр арр р’Рах! – прошипел колдун, и клинок, вырвавшись из рук удивлённо вскрикнувшей девушки, лёг к ногам Оккара. Тот был зол и раздосадован. И этой вот девчонке, которая вообще с головой и с реальностью не дружит, он собирался излить душу? Вот дурак тоже...

– Спать! – рявкнул он, но получилось, что команда эта была самому себе. Не клинкам же. А Иллики уже и след простыл.

А ему... Ему почему-то хотелось завывать, хотя оборотней в роду никогда не было. Вот и поговорили.

На следующий день они избегали друг друга, жена оставила ему записку, что останется ночевать в доме у отца, так как будет готовиться к свадьбе, и он невольно почувствовал облегчение. Ведь даже при мысли о ней сразу вспоминалась собственная слабость, пусть и недолгая, пусть и не рассказал он ей в итоге ничего, но всё равно – досадно, а уж если она будет постоянно глаза мозолить, то к вечеру он возненавидит и себя, и её. А так, может, отойдёт за сутки... Тем более что свадьба – этот пышный и заранее ненавидимый им праздник абсурда – уже завтра. Так что побыть одному – это очень кстати.

Весь день он перебирал свои записи, ещё раз, наверное, уже десятый, выверяя план действий и легенду, и выходило, что жена-то ему очень даже пригодится. Тарргонцы верили, что рыжие – любимцы Девы, и что помочь девушке с рыжими волосами – это практически самой богине пособить. Так что, может, Тёмный не так уж и посмеялся над своим бестолковым сыном, глядишь, и выйдет толк из этой нелепой женитьбы.

В том, что Иллика будет делать то, что он говорит, Оккар не сомневался. Это здесь она выкобенивается, чувствуя поддержку отца, всё же Берней – один из самых влиятельных людей в городе, даром что происхождения самого простого, а вот в Тарргоне... В общем, будет слушаться, как миленькая. Никуда не денется.

В этой уверенности он пребывал до того момента, как переступил порог своей спальни... и ведь ничего не почувствовал, вот подстава от истинного брака: супруги воспринимаются одним целым, и хоть увешайся ты охранными заклинаниями и амулетами, не почувствуешь.

Что что-то не так он понял, только когда его шею уже коснулось лезвие кинжала, а холодный и яростный голос жены произнёс:

– А ну снимай своё поганое колдовство! Быстро!

Глава 5

Иллика

Удивительно, сколь многое в нашей жизни решают совпадения. Хоть Илька и грозила новоявленному мужу любовником, или любовниками – она уже точно не помнит, но исполнять угрозу и подыскивать себе такого рода приключение пока не стремилась.

Он нашёл её сам. Тинко. Когда-то он вызывал чистое восхищение и восторг, теперь же остались только раздражение и досада, которые он никак не хотел принимать и только усугублял своим преследованием и попытками сыграть на былых чувствах и чувстве вины.

Вины Иллика никакой не испытывала. В её картине мира преступлением было бы как раз остаться, когда страсти и восторга уже нет, а именно это и произошло в их с Тинко романе. Если бы девушка имела обыкновение анализировать свои чувства и порождённые ими поступки, она бы, вероятно, признала, что в нём её привлекала и восхищала, в первую очередь, необычная техника боя. Возможно, именно поэтому так и вышло: Илька побил его на мечах... и тут же объявила, что уходит. Кому-то это могло бы показаться излишне жестоким и циничным, но девушка искренне полагала, что с людьми, которых ты уважаешь, иначе нельзя. Она никак не облекала это в слова, но ощущала очень чётко: попытка решить за другого и взять на себя за него ответственность – это признание другого слабым. Не-равным.

Тинко воспринял её уход болезненно. И, конечно же, обвинил в том, что она просто использовала его, даже, кажется, слова какие-то нехорошие говорил, что-то про расчётливость, подлость и притворство, она даже вслушиваться и запоминать не стала. Никакого отношения к ней это всё не имело. Илька жила сердцем. Никто не виноват, что сердце её решило вот так. И если мужчине становится легче, когда он это всё говорит, то и пускай. Но, увы, на этом всё не закончилось. Тинко вознамерился её вернуть, кажется, это стало для него навязчивой идеей, даже вот сюда припёрся...

Стоило ей отворить дверь отчего дома и сделать шаг внутрь, как раздался полный укора и праведного гнева голос:

- Ты вышла замуж! Лико! Как ты могла?! Как?!

Илька тяжело вздохнула и дальше слушала вполуха, а вернее и вовсе почти не слушала, ей было о чём поразмыслить и без бывшего любовника. О муже, например. Зачем он приходил к ней в спальню? А она знает - приходил, до того как примчаться в свою, отчитать её как нерадивого ученика и страшно, просто невероятно унизить, отказавшись сражаться и выбив оружие из рук. Да и свадьба эта... Сама уже не рада, что затеяла большой балаган, надо было просто улизнуть по-тихому, а вот публичного унижения колдун ей точно не простит. Не то чтобы она его боялась, даже то жуткое ощущение из храма успело как-то подзабыться, но на душе было чуть муторно. Словно бы она собирается пнуть уже поверженного в бою соперника, или, что ближе, вонзить нож в спину, исподтишка. Это порождало раздражение, которое хотелось выплеснуть в схватке или тренировке, поэтому выловив в речи Тинко «дай мне ещё один шанс!», она отнесла его почему-то исключительно к поединку и радостно откликнулась:

- Я готова!

Но он, как выяснилось, говорил совсем о другом и, окрылённый её необдуманном и ошибочным согласием, попытался поцеловать. Ильке показалось, что венец на её голове вспыхнул огнём, или же внезапно обзавёлся направленными внутрь шипами, а из глаз полетели искры. Длилось это, правда, всего мгновение, потому что Тинко, похоже, тоже досталось, он отступил, прижимая левую руку к губам и с удивлением разглядывая правую. Приблизиться, чтобы посмотреть, что там у него с руками, девушка не стала, а вдруг ещё раз шибанёт? Вот ведь мерзкий-премерзкий колдунишка! Хотелось

сразу броситься разыскивать мужа и вытрясти из него хоть немного дури, но она как-то сдержалась. Зато чувство стыда за собственные планы, поселившееся было в ней после вчерашнего ночного разговора, рассеялось, как будто и не было его. Теперь она ощущала только азарт и какую-то даже весёлую, чуть пьянящую злость. Поделом ему, поделом.

Впрочем, переговорить с мужем до свадьбы всё равно стоило, ведь в её новой жизни, которую она начнёт далеко отсюда и с невероятными клинками р'Рах эти вот ограничения по прикосновениям ей совершенно ни к чему. План действий сложился у неё не сразу, слишком она была растеряна внезапно приключившимся венчанием, и когда муж предложил ей праздник, согласилась только лишь с намерением ему досадить. Зато потом... Потом у неё в голове созрела прекрасная схема. Вот только неожиданно выяснившиеся обстоятельства...

– Снимай своё поганое колдовство, быстро! – приказала она мужу, с удовольствием ощущая себя в положении отдающего приказы. Давно уже надо было приставить что-нибудь острое к этой смуглой тонкой шейке.... Ну ладно, может, и не такой уж тонкой, но видала она шеи и помощнее. И покрасивее.

Увы, отреагировал колдун совсем не так, как она планировала: вместо того, чтобы ругаясь и богохульствуя снять-таки свою заразу, он почти насмешливо вздохнул и спокойно произнёс:

– Нет на тебе моего колдовства, силой своей клянусь.

Илька слегка даже опешила. На всякий случай подождала секунд двадцать, словно полагала, что что-то произойдёт, хотя если бы и произошло, вряд ли бы она смогла понять, что сила колдуна покинула.

И что теперь делать? Убрать лезвие от шеи и извиниться? Вот ещё...

– А что случилось-то? – как-то даже участливо спросил Оккар. Будто и вправду заботливый муж. Как же.

Илька замялась. Она бы ничуть не стесняясь, даже с удовольствием, поведала, если бы и в самом деле завела любовника, а вот признаваться в фиаско не хотелось. Объяснять же... слишком долго, да и нелепо звучать будет, как будто

она оправдывается перед этим... Он догадался сам.

– Иллика... – укоризненно протянул колдун, отодвигая её кинжал пальцем и не получая при этом ни царапины, хотя за оружием она следит ой как хорошо, этому придурочному палец должно было просто-напросто отрезать, а вот поди ж ты. Колдовство. И тут колдовство. – Я думал, ты умнее! – раздражённо и почти зло заявил противный муж – вот можно подумать сам-то шибко умный! – отступая от неё на пару шагов и глядя с откровенной неприязнью.

Девушка ответила ему не менее неприязненным взглядом, но вместо ответной «любезности» – а ей уж было что сказать, будьте уверены, бросила лишь короткое:

– Говори!

– Истинный брак, – сказал колдун, не поспеившись на интонации и вложив в эту короткую фразу целый набор эмоций. От презрения до снисходительности. У Ильки даже нога зачесалась, так хотелось врезать ему по ухмылке. Она дотянется, легко и с удовольствием. Вот ведь... хмырь.

– Иллика, – вдруг сменил колдун тон на примирительный. – Поверь, я тоже совершенно не в восторге от всего этого, я планировал получить деньги и уехать, ты осталась бы хозяйкой в этом доме, и мы бы, может, изредка виделись на ваших семейных праздниках, и друг другу практически не мешали бы... Но Тёмный распорядился иначе... Иллика!

Кажется, он подумал, что она собирается уйти, но она лишь подошла к его кровати и забралась на неё с ногами. С удовольствием отметив, как он поморщился, взглянув на её сапоги. Да, с ногами и в сапогах. Еле удержалась, чтобы на подушку ноги не пристроить.

– Так значит, любовника я завести не смогу, – задумчиво прищурилась девушка, а колдун кивнул. – И клинки не отдашь, – ещё задумчивее констатировала Илька, пытаюсь придумать, как ей дальше с этим жить – с тем, что из всех мужчин ей теперь доступен только этот чернявый задохлик. Может, всё же стоит остаться вдовой? Даже если это будет конец не только браку но и самой Ильке, по крайней мере, она убьёт этого гадёныша, разрушившего её жизнь. То, что ему недоступны другие женщины, её нисколько не утешало, он же колдун, ему,

может, вообще не надо... этого самого, грешного и сладкого.

– Ненавижу тебя, – сказала Илька, и столько искренней страсти, столько чувств умудрилась вложить в эти два слова, что муж вздрогнул.

– Я этого не планировал, – повторил он, почти оправдываясь. – Такова воля Тёмного. И давай уже закончим обсуждать то, что не можем изменить и перейдём к конструктивной части! – он не добавил «если ты на это вообще способна», но Илька была уверена – подумал.

– Говори, – снова предложила она, и муж уставился на неё с удивлением. Кажется, он ожидал другого. Что она вонзит кинжал в его подушку, разобьёт вазу или начнёт рвать на себе волосы... Или как там ещё бесятся женщины? Илька же сделалась на удивление спокойной, и знай колдун её чуть лучше, понял бы, что его жена что-то замыслила.

А она рассудила так: если обвенчал их Тёмный, то, может, Дева сможет развести? О неприязни этих богов знали все, даже она, далёкая от набожности, наслушалась в детстве соответствующих историй, так неужто Дева оставит свою непутёвую дочь? Но говорить об этом колдуну нельзя, никак нельзя. Наверняка, он попробует как-то помешать, если узнает. Хоть и говорит, что сам не в восторге, но волю своего покровителя нарушить не посмеет и другим не даст. Так что девушка делала вид, что смирилась, а сама размышляла, как и когда лучше улизнуть в храм. Сейчас нельзя, там уже час как царит Тёмный, а завтра – вот засада! – непрерывные свадебные торжества, которые сама же и напланировала... Конечно, можно будет улучшить немного времени после обеда, как раз, когда представление будет, но как же ей не терпится! Ожидание выматывает, и каждая минута уже кажется тянущейся бесконечно, а сколько их, этих минут, ещё проползёт до завтрашнего вечера...

Стиснув зубы, она делала вид, что слушает, кажется, даже умудрилась пару раз кивнуть мужу в нужном месте, но слова его пролетели мимо. Ну, или почти мимо, кое-что она всё-таки уловила, но звучало оно как-то совершенно несерьёзно.

– У меня был друг, – сказал Оккар, и что-то в его голосе заставило её прислушаться, затмив ненадолго невероятно сильное желание никогда больше этого гада не видеть и не слышать.

– Он умер? – растерянно спросила девушка, так как, произнеся это, колдун погрузился в задумчивость и, кажется, печаль.

– Нет, он жив. Он... изменился.

Приготовившаяся услышать грустную историю Илька удивлённо моргнула. Люди меняются. Это для кого-то новость?

– Изменился, – повторила она, что уж там греха таить, с сарказмом повторила.

Оккар вздохнул. Оккар закатил глаза, до отвращения выразительно. Но продолжил как ни в чём не бывало.

– У него была семья, дети, он души в них не чаял... С родителями были прекрасные отношения... И он отбросил это всё. Буквально за полгода ушёл из семьи, перестал общаться с родителями, друзьями, да и некоторые его поступки... Он бы никогда так не сделал, тот, прежний.

Илька хмыкнула. Мало ли, каким человеком колдун считал своего друга. Он, её муж, умом, похоже, не отличается, так чему удивляться?

– Я бы не придавал этому значения, но через год мне попало ещё два таких случая, один из которых произошёл с моей сестрой. И я поклялся, что узнаю, в чём причина, что заставляет людей настолько меняться, – закончил он почти с отчаянием. А Иллика поймала себя на невольном сочувствии. Плохо, когда с близкими происходит что-то нехорошее.

Впрочем, это совершенно не извиняет его за её испорченную жизнь. Вернее, за попытку её испортить, ведь Иллика сделает всё, чтобы закончить эту нелепицу с истинным браком. Надо только как-то дожить до завтра и добраться до храма. А дальше всё будет хорошо. Точно будет.

Успокоенная этой мыслью девушка спокойно дождалась окончания разговора и направилась в свою комнату, где сладко проспала до утра.

И вот она в храме, стоит, комкая подол зелёного свадебного платья, и никак не может решить: то ли в кои-то веки расплакаться, то ли расхохотаться. Кажется, Дева и Тёмный решили состязаться в остроумии на примере их несчастной пары.

Когда она бежала сюда, думала, что провал – это если богиня не ответит. Или муж каким-то образом проведает и сможет помешать. Или сам Тёмный как-то узнает и, разгневавшись, вмешается... Но нет, ничего такого. План не провалился... И в то же время провалился просто сокрушительно и катастрофически.

Дева ответила, почти моментально, стоило только преклонить колени перед Её статуей. Илька ощутила это, как лёгкую ласку по волосам, и тут же выпалила просьбу.

Ответ ошеломил. И показался издёвкой почище, чем сам их брак.

– Влюби его в себя, – сказала богиня. – Влюби, и я освобожу тебя от брака!

И всё, ушла. Оставив просительницу стоять на коленях и сомневаться в собственном рассудке. Влюбить. Колдуна! Того, кого сама богиня и обошла своим Даром... Куда милосерднее было бы просто не ответить. Или ответить «нет».

Глава 6

Оккар

При взгляде на жену его накрывала злость. Он сдерживался. Отгонял накатывавшие тяжёлые волны. Попытался разложить как-то свои ощущения и объяснить самому себе, ведь привык уже жить в ладу с собой, понимать себя; по всему выходило, что злит его попытка измены. Нет, она вовсе не сделалась ему дорога или хотя бы желанна, эта рыжая девица, но скорость, с которой она попыталась пойти налево, его как-то покорила.

Жизнь сталкивала его с разными людьми, и он привык уже для себя делить их на разные типы, в зависимости от того, чего от них можно ожидать. От избалованной купеческой дочки он такой прыти не ожидал. Точно. Вот что его злило – она повела себя не так, как он ожидал. Впрочем... кажется, впору вводить новый типаж, ранее не встречавшийся, потому что она всё время вела себя не так, как он ожидал.

А впрочем, нет, кое в чём он угадал – свадебное торжество было кошмарным. Зря он на это подписался, ой зря... Но давши слово – крепись. Или держись. В общем, сказал – делай. И то, что пообещал, делай, и выводы на будущее тоже.

Ослепительно белый костюм хоть и раздражал, но, по крайней мере, шёл ему, реакция жены отчётливо об этом говорила – она с такой досадой поморщилась... А вот с венцом – искусной ювелирной поделкой – всё оказалось куда хуже, Оккар готов был побиться об заклад, что тот специально был заказан тесным, хорошо ещё без шипов обошлось. Но голову сдавливает прилично. Вот только этой рыжей девке он того не покажет, незачем давать ей повод для злорадства... ну точно – вон как выжидательно уставилась и предвкушение на бледном веснушчатом лице сменяется разочарованием, когда он благодарит её за прекрасный выбор, демонстрируя, что ему комфортно и ни капельки не жмёт.

Сама она в зелёном, в честь Девы, хотя он ожидал, что будет красный, посвящение Воину, с её-то нелепой страстью к оружию, но с рыжими волосами это было бы совсем дико... А так она выглядит, пожалуй, сносно. Куда лучше, чем при первой встрече. Однако всё равно – слишком худая, высокая и резкая. Назвал бы нескладёхой, но двигается, надо признать, всё же грациозно, хоть и не так, как должны двигаться девушки.

Ну конечно... И из всех стихий она выбрала огонь. Оккар невольно поморщился и потёр левую руку – не то чтобы он имел что-то против стихии огня самой по себе, но ассоциации всё равно далеко не самые приятные. Богов ведь можно почтить любой стихией, но на свадьбах традиционно использовали воду – омыл лицо, и всё. На крайний случай воздух – исполнил песню, и ладно. А вот ему придётся прыгать через костёр. И не покидает ощущение, что для него этот самый костёр сложили раза в три больше, чем для жены. Но это не проблема, перепрыгнет он не то чтобы легко, но гарантированно, грустно другое – всё это очень похоже на объявление войны, а он надеялся всё-таки как-нибудь с ней поладить. Может, надо быть строже?

И со свадьбой этой он, конечно, лопухнулся. Надо было сказать, что воля Тёмного такая-то, и сделать всё по-своему, какой бы богатой и избалованной ни была его жена, с волей богов она вряд ли решится спорить...

Ещё раздражал любовник его жены, маячивший постоянно рядом и пожиравший Иллику взглядом. Пусть любовник и неудавшийся, благодаря истинному браку, но Оккар полагал, что измена в действительности происходит в мыслях, а значит, любовник. И удивительно – вроде видный мужик, такой, что добрая доля женской части гостей поглядывает на него с немалым интересом, а он и не замечает даже, сверлит Иллику больным взглядом, и лишь иногда отводит глаза, чтобы окатить его, Оккара, волной бешеной ненависти и отчаяния. Воистину, жестока Дева, богиня Любви, и милостив Тёмный, лишивший своих детей Её даров.

Время тянулось и тянулось, мелькали бесконечные лица, колдуну уже стало казаться, что гостей на их свадьбе в разы больше чем жителей города, или же они все подходят знакомиться по три раза, всё равно он лица уже давно не запоминает. И даже первые человек двадцать, которых, как ему казалось, он неплохо запомнил, уже смешались в его памяти с другими образами и именами. Неужели, – с удивлением размышлял Оккар, просто чтобы занять себя и отстраниться от этой шумной и многоголосой кутерьмы, а также от ощущения постоянно сжимающихся тисков на голове – венец был действительно сильно мал, – неужели, кто-то действительно находит радость в том, чтобы быть в центре этого? Стоять как идиот, обозначая поклоны совершенно чужим, безразличным ему, а то и неприятным даже людям... что в этом хорошего-то?

А праздничный стол? Как есть под прицелом несчётного количества глаз? Он бросил взгляд на жену – она была странно задумчива и к еде тоже не притронулась, и Оккар позволил себе немного позлорадствовать – наверняка, сама уже умаялась от своей затеи и совершенно ей не рада. А если есть в этом мире справедливость, то ей ещё и туфли должны жать и натирать. Непременно должны. Потому что у него самого ощущение, что проклятая штуковина на его голове уменьшилась раза в полтора так точно и скоро просто раздавит несчастную голову...

А потом жена куда-то исчезла, это получалось у неё мастерски, казалось бы, отвлёкся на полминуты, на какой-то пустяковый вопрос от тестя, а Иллики уже и след простыл: не только рядом не сидит, но и нигде в зале уже нет, и Оккар хотел тоже улизнуть, но его перехватили. Он. Её неудавшийся любовник. Хотя с

неудавшимся не всё так очевидно, как оказалось...

– Я имел твою жену! – прямо заявил ему тот самый видный мужик, на голову его выше и раза в полтора шире, и многочисленные гости стали шептаться и оборачиваться.

Оккар вздохнул и без лишних слов врезал говорившему по лицу.

Другого варианта у него просто не было. Будь они наедине, можно было бы просто расхохотаться этому идиоту в лицо, ведь он-то, Оккар, знает, что ничего у них не вышло и выйти не могло... А даже если и было что до него, то ему плевать. Но прилюдное оскорбление стерпеть нельзя. Хотя... он бы, пожалуй, и наедине врезал этому жлобу. Лицо у него такое. Кулака просит.

Гости зашумели, кто одобрительно, кто злорадно – спускать удар любовник его жены, естественно, не собирался и потянулся за мечом. Более того, судя по промелькнувшей на разбитых губах улыбке, он именно этого и добивался – повода прирезать Оккара на его собственной свадьбе. Интересно даже, неужто его жене неожиданно хватило ума не разболтать про истинный брак? Или разболтала и теперь отвергнутый в прошлом любовник стремится отомстить обоим? Да, скорее всего, Иллика познакомилась с ним не вчера... не смотрят таким больным взглядом на то, что тебе никогда не принадлежало. Только на то, что было твоим, но ушло.

Придётся тебя убить, – спокойно подумал колдун, наблюдая, как гости расступаются, образуя круг, в котором они, видимо, должны будут биться на потеху публике. Ну, Иллика, ну удружила.

– Меня зовут Тинко, – хищно улыбаясь, сообщил его противник. – Нового мужа твоей жены будут звать Тинко. Запомни это, ничтожество. Хотя бы на оставшиеся пять минут твоей никчёмной жизни, запомни.

Болтун, – подумал Оккар и презрительно скривился. Позёр. Впрочем, уже через несколько секунд ему стало не до этого, ведь Тинко оказался на удивление хорошим бойцом, быстрым, гибким и с совершенно непривычной, сбивающей с толку техникой. Колдуну даже пришлось воспользоваться своим даром, чтобы выйти победителем из короткой, но ожесточённой схватки, и именно поэтому он решил оставить соперника в живых. За мастерство.

Впрочем, никто из гостей, как и сам этот Тинко, не понял, что в поединок вмешалось колдовство, ведь всем известно, что чтобы что-то сотворить, колдуну нужны свободные руки. Обе. И хотя бы несколько секунд, чтобы сосредоточиться и воззвать к Покровителю. А у него в руках были клинки, и не было даже половины секундочки, так что его стремительная победа вызвала шквал восхищённых охов, злобный взгляд противника и абсолютный ноль подозрений. Нет-нет, Оккар вовсе не был как-то по-особенному талантлив... силен – да, но никаких сверхумений у него не было, просто тщательно поддерживаемые всеми колдунами не совсем правдивые слухи и много кропотливой работы над своим мастерством. Правда, закончить быстро, как ему мечталось – от пребывания в центре внимания он уже здорово устал, не получилось – поверженный противник, когда победитель убрал от его горла свой клинок, вдруг бросился за ним.

– Убей меня! – заявил он, провожая разочарованным взглядом клинок, исчезающий в ножнах. – Я не смогу без неё жить! Пожалуйста, убей!

Сам себе не веря, колдун всё-таки проверил несчастного влюблённого на предмет приворота – ничего. Да можно было и не проверять – если бы и была какая ворожба, то при истинном венчании всё равно разрушилась бы. Да и сам Оккар заметил бы – тот, к кому сделана привязка, фонит чуть ли не сильнее, чем тот, кого привязали. Получается, этот мастерски сражающийся мужчина сам по себе, находясь в относительно здоровом уме, влюбился в Иллику? Чудно...

Праздник продолжился, как ни в чём не бывало, но Оккар теперь никак не мог избавиться от этого знания: в его жену можно влюбиться, и, когда она появилась вновь, нет-нет, да и бросал на неё задумчивые взгляды, пытаясь рассмотреть её в новом свете и понять, что же в ней всё-таки такого?..

К случившейся потасовке Иллика отнеслась странно, так, словно подобный поединок – самое обычное дело. Не ужаснулась, что испорчен праздник, не загордилась, что за неё дрались, не бросилась разыскивать своего любовника, не сделала вообще ничего... разве что досадливо поморщилась и спросила мужа, не ранен ли он. Вот и гадай теперь, досада – потому что не ранен?

Наконец-то, этот суетливый, полный людей день остался позади. Можно снять ненавистный белый цвет, можно даже сжечь этот несчастный костюм, как

память о пережитых сегодня унижениях, освободить уже – какое счастье! – лоб от дурацкой побрякушки, и вздохнуть свободно. Оккар с наслаждением вытянулся на кровати, закрыв глаза и чувствуя, как расслабляется внутри с утра ещё взведённая пружина. Вот вроде умом и понимал, что ничего они ему не сделают, эти глупые, праздные люди, а всё равно – тревожно, когда их вокруг много, а уж быть в центре внимания – вообще каторга. Но всё позади. И надо уже как-то успокоиться и заснуть, но не получается, пойти что ли на пробежку? Выложиться до изнеможения, выплеснуть накопленное раздражение, загнать себя до седьмого пота, и выкинуть хоть тогда из головы эту дурацкую историю с любовником жены, и саму её, странную и непредсказуемую – тоже. Может, не стоит брать её с собой? Запрятать где-нибудь в надёжно месте... сбежит? Сбежит. На цепь посадить? А это идея! Но жене не понравится. Точно не понравится. А вот ему эта мысль настроение значительно улучшила, хоть и не собирался он претворять её в жизнь. Так, помечтать, поулыбаться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bykova_dar-ya/illika-i-okkar

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)